

зопасности; но Феодора предупредила его и сопровождала в бегстве. Королева Иерусалимская являлась на всем Востоке паломницей Андроника, и двое побочных детей свидетельствовали о ее слабости. Андроник убежал сначала в Дамаск, и при всем своем уважении к религии греков он несколько не усомнился в чести мусульман, живя с великим Нуреддином и с Саладином, служившим у него. В качестве друга Нуреддина, он ходил в Багдад и к различным дворам Персии; сделав дальский обход вокруг берегов Каспийского моря и через горы Грузии, он утвердил свое местопребывание в Малой Азии, у турок – наследственных врагов соотечественников Андроника. Андроник, его паломница и толпа изгнанников, следовавшая за ним, нашли себе радушный прием во владениях султана Колонии (Цезарси); чтобы доказать ему свою признательность, он делал неоднократные набеги на римскую провинцию Трапезунда; при каждом набеге он приводил с собой большое число пленных христиан со значительной добычей. Рассказывая свои похождения, Андроник любил сравнивать себя с Давидом, который своим продолжительным изгнанием успел уйти из сетей злобы. По царь-пророк, прибавлял он, ограничивался только тем, что прятался на границе Иудеи, убивал какого-нибудь амалекита и, несмотря на свое печальное положение, грозил копытному Набалу; его же набеги были обширнее и делали известным его имя и его религию по всему Востоку. По определению церкви Андроник был отлучен от общения с верующими; впрочем, такое отлучение, доказывает, что Андроник не отказывался никогда от христианства.

Он успел спастись от всех тайных и явных преследований императора; но плен его паломницы поймал наконец его в сети. Правитель Трапезунда захватил Феодору, иерусалимская королева и ее двое детей были отправлены в Иерусалим, и с того времени странствующая жизнь Андроника сделалась мучительной для него. Он начал умолять о прощении и получил его: ему даже позволили прийти и броситься к ногам своего государя, который удовольствовался покорностью столь гордого князя. Навид перед Ма-

нуилом, он оплакивал свой мятеж со слезами и рыданиями и объявил, что не встанет до тех пор, пока какой-нибудь верноподданный не возьмет его за цепь, надетую на его плечо, и не пригласит к ступеням трона; такое чрезвычайное выражение раскаяния вызвало всеобщее удивление и сочувствие; церковь и император простили ему его грехи и его преступления; но Мануил, продолжавший питать к нему недоверие, удалил его от двора и сослал в Энос, город Понта, окруженный богатыми виноградниками и лежащий на берегу Черного моря. Смерть Мануила и беспорядки по случаю несовершеннолетия его преемника открыли новое поприще для честолюбия Андроника. Император Алексей II (1180–1183 гг.), имевший от роду не то двенадцать, не то четырнадцать лет, не мог обнаружить ни силы, ни мудрости, ни опытности. Императрица Мария, мать его, отдала и себя, и управление своему любимцу по имени Комнину; а сестра молодого императора, называвшаяся также Марией и бывшая замужем за итальянцем, украшенным именем Кесарь, составила заговор и наконец произвела восстание против своей ненавистной мачехи. О провинциях забыли; столица волновалась, и порочность нескольких месяцев испровергла труд целого века спокойствия и порядка. Гражданская война возобновилась в стенах Константинополя; обе партии предались кровопролитию на площади дворца, и мятежники, загнанные в церковь св. Софии, выдерживали правильную осаду. Патриарх употребил все, чтобы уврачевать общественное бедствие; самые уважаемые патриоты требовали громко защитника и мстителя своих прав, и все восхваляли таланты и даже добродетели Андроника; в своем изгнании он показывал вид, что помнит те обязанности, которые палагала на него присяга: «Если безопасность и честь императорской фамилии угрожаются кем-нибудь, – говорил он, – то я употреблю в ее пользу все средства, какими могу располагать». Он позаботился о том, чтобы в своей переписке с патриархом и знатными поместить извлечение из псалмов Давида и послание св. Павла, и терпеливо выжидал, когда голос соотечественников призовет его на помощь отчизне. Когда он отправлялся